

ЛИТЕРАТУРА ВЕЛИКИЕ ИМЕНА



САМКОБАРГАН

*Лестер Хемингуэй*



ЭРНЕСТ  
ХЕМИНГУЭЙ



*Обреченный  
победитель*

Лестер Хемингуэй

**Эрнест Хемингуэй.  
Обреченный победитель**

«Центрполиграф»

## **Хемингуэй Л.**

Эрнест Хемингуэй. Обреченный победитель / Л. Хемингуэй —  
«Центрполиграф»,

Книга об Эрнесте Хемингуэе – знаковой фигуре, знамени «потерянного поколения», написана его младшим братом. Добросовестно и обстоятельно воссозданы эпизоды жизни писателя, ставшего героем шестидесятников, поэтом преодоления обстоятельств, певцом уходящего стоицизма. Без ухода в психологические изыски, сдержанно и просто, через цитирование писем отца, матери и старшего брата, Лестеру Хемингуэю удалось перевести в реальный план несколько мифологизированную фигуру большого человека, чьи слабости и недостатки только подчеркивали масштаб дарования.

# Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	23

# Лестер Хемингуэй Эрнест Хемингуэй. Обреченный победитель

## Пролог

Эта книга расскажет вам об Эрнесте Хемингуэе – писателе и солдате удачи, охотнике на крупного зверя и рыбаке, пытавшем счастье в океанских просторах, о страстном любителе боя быков. Все это Эрнест сочетал в себе. Он был моим единственным братом. Когда я только родился, он с увлечением менял мои пеленки и называл меня Двоеножкой. Позднее он присвоил мне прозвище Барон. Он уделял мне больше времени, чем отец, обучая охоте, рыбной ловле и драке.

Вторая мировая война уже закончилась, и как-то одним тихим вечером мы смотрели, как солнце скрывалось за строениями Гаваны, а Эрнест рассказывал о жизни и о поступках достойных людей. Мы вместе смеялись над наблюдениями за его собственной жизнью вне дома, сделанными посторонними людьми.

– Послушай, Барон, – сказал он в конце беседы, – мне бы хотелось, чтобы однажды человек, который знал меня от и до, написал обо мне книгу. Возможно, им будешь ты. Как-никак, семья Хаксли добилась успеха, и особенно Фрэнк и Джесс – братья Джеймса.

Много воды утекло с тех пор. Но Эрнест больше никогда не напоминал о том, что сказал в тот вечер. За прошедшее время об Эрнесте было написано немало материалов филологами, корреспондентами, обозревателями и возмущенными зрителями за общественным целомудрием. Но эти публикации были в большинстве случаев до смешного неточными и просто не заслуживали серьезного рассмотрения. Лишь немногие писатели оставались беспристрастными и пунктуальными.

Эрнест принадлежал к редкому типу по-настоящему незаурядных людей. Бесспорно, как одаренный писатель, он занимал прочное положение в литературном мире. Людям, прочитавшим книги Эрнеста, а также тем, кто хорошо его знал, известна его абсолютная честность, как эмоциональная, так и эстетическая. Но тому факту, что этот Божий человек находился в постоянном окружении бесконечных семейных и личных проблем, большинство исследователей его жизни и творчества не придают значения.

Как брата Эрнеста, меня часто расспрашивали о подробностях его жизни и его характере. Эти мимолетные впечатления могли бы быть названы биографическими заметками, ведь его жизнь была настолько богата событиями, что точный рассказ о ней практически невозможен.

«Истинная история жизни человека должна охватывать все, что происходило с ним самим и вокруг него двадцать четыре часа в сутки в течение пятидесяти лет», – однажды язвительно заметил Эрнест.

Он и жил так, как умер, – неистово и жестоко. Эрнест превозносил мужество. Всю жизнь он воспитывал это качество, развивал его в себе и других людях, которых многому научил. И его бесстрашие никогда не покидало его. То, что в конечном итоге подвело его, было его телом. Но это может произойти с каждым.

В то роковое утро 2 июля Эрнест совершил последний поступок в своей жизни – в последний раз зарядил двустольный «ричардсон» 12-го калибра. Не было ни одного свидетеля его смерти. Это на самом деле могло быть «невероятной трагической случайностью», как сообщила репортерам его вдова Мэри, после того как появились сообщения о смерти мужа.

Из обстоятельств своей смерти Эрнест сделал тайну, – то, чего он никогда не делал в литературном творчестве, связанном со смертью и жестокостью, нежностью и человечностью, комичностью и правдой.

Когда около полудня весть о смерти Эрнеста радиостанции и телевизионные компании распространили по всей стране, три его сына были заняты различными делами. Джон ловил форель в Орегоне, Патрик сопровождал клиента на сафари в британской Восточной Африке, а Грегори в Майами готовился в медицинской библиотеке к летним экзаменам. Я же находился на одном из пляжей Флориды, плескался в море и учил свою дочку плавать. Никто из нас не получил сообщений раньше чем к вечеру, когда друзья и родственники смогли связаться с нами. Наша старшая сестра Марселлайн была в Детройте, Урсула находилась в Гонолулу, Маделайн на Уоллун-Лейк в штате Мичиган, Кэрол на Лонг-Айленде. Только к вечеру они узнали о печальном событии. Вскоре были начаты приготовления к похоронам, которые предварительно назначили на среду. Всю организацию взял на себя его друг Поп Арнольд из Кетчума, штат Айдахо. Когда обнаружилось, что Патрик не может прибыть раньше чем в среду вечером, даже при помощи лучших авиасообщений Африки и Европы, похороны были перенесены на четверг.

На следующий день после смерти Эрнеста последовали официальные заявления от Ватикана, Белого дома и Кремля, как после смерти государственного деятеля мирового уровня. Никогда раньше после смерти писателя не возникало такого резонанса в средствах массовой информации. Весь мир с чувством боли понимал, что потерю этого человека ощутит все человечество.

В середине лета в горах Саутут-Маунтин штата Айдахо всюду буйствует растительность. Ближе к вершинам снег остается даже в теплое время года. Но внизу, в долине Сан-Вэлли, уже к июлю наступает самое время для сенокоса. Неподалеку Вуд-Ривер мчит свои холодные воды по пронизываемым ветрами ущельям старых, невысоких гор Рокис.

В дюжине миль от этого места между Хэйли и Кетчумом долина сужается от двух миль до полумили. Вдоль ее западной стороны горы подступают ближе, и непрерывная линия деревьев обозначает русло реки. Недалеко от Кетчума стоит трехэтажный дом, где Эрнест Хемингуэй жил и работал в последние годы жизни. Это деревянный дом, как и большинство домов в этом прекрасном для зимних видов спорта районе. Но из окон этого дома, расположенного на западном берегу Вуд-Ривер, открывается необычный вид. Из большинства жилищ Кетчума можно наблюдать только закат, этот же, наоборот, обращен к восходящему солнцу.

К утру 6 июля те члены семьи Хемингуэя, которые смогли присутствовать на похоронах, прибыли в Айдахо.

Из более чем дюжины его ближайших родственников смогли собраться только половина. Много друзей прилетело издалека, чтобы почтить память человека, посвятившего всю свою жизнь написанию книг о том, что он узнал об этой жизни. Его язык был прост и доступен, и любой человек мог понять его мысли.

В то раннее утро горный воздух был прохладен. К шести часам взошло солнце, и высоко над долиной легкие облака медленно плыли на восток. Воздух почему-то пах полыньей, хотя ее заросли были далеко за горизонтом и ветер дул совсем с другой стороны. С низины доносился шум воды Вуд-Ривер, проносившейся по каменистому руслу, и взгляд иногда замечал метнувшуюся в поисках корма рыбу.

Утро было в разгаре, и стало немного теплее. Воздух слегка дрожал над согретыми лучами солнца крышами машин, проезжающих мимо полицейского ограждения к воротам кладбища.

Кладбище располагалось на пологом склоне небольшого холма к северу от города. Его окружала изгородь из оцинкованной проволоки. А за ней, меньше чем в тридцати ярдах от свежерытой могилы, ожидала группа фотографов и корреспондентов с магнитофонами.

Могила Эрнеста была рядом с могилой Тэйлора Уильямса, его старого друга и компаньона по охоте. Долгое время Тэйлор по прозвищу Медвежий След был инструктором по охоте в Сан-Вэлли. Когда два года назад он умер, Эрнест нес гроб на его похороны. Участок земли под захоронение на Кетчумском кладбище стоит двадцать пять долларов, и семья Хемингуэй купила шесть таких участков. Эрнест всегда любил простор.

Траурная церемония началась в половине одиннадцатого, как и было запланировано. Небольшая толпа горожан и любопытных прохожих собралась вокруг изгороди. Первыми были мужчины, помогавшие нести гроб, и местные друзья, а также могильщик. Пропуском на кладбище служил для каждого из прощавшихся простой белый конверт с адресом Эрнеста и единственным листом, на котором было сказано, что податель сего входит в список приглашенных лиц. Конверты раздали за день до похорон, и каждый из них был проверен.

После того как родственники, люди, помогавшие нести гроб, и друзья собрались, в сопровождении сыновей Эрнеста подошла Мэри Хемингуэй. На ней было простое черное платье и черная шляпа с широкими полями. Прежде чем присесть, она перекрестилась. Затем священник, отец Роберт Уалдман, явно не привыкший к такому скоплению людей, встал впереди собравшихся. Два мальчика прислуживали ему.

– ...Это Джек Хемингуэй, старший сын автора, – доносился чей-то голос из-за изгороди.

– А за ним...

Голос затих, как только священник начал читать заупокойную молитву на латыни.

Затем, перескочив на английский, отец Уалдман принялся рассуждать о смерти, и, поскольку от него требовалось прочесть стихи третий, четвертый и пятый первой главы Экклезиаста, он начал:

– Какую выгоду снискал себе смертный, трудясь под солнцем? Одно поколение уходит, другое приходит ему на смену, но земная твердь остается вечной.

Он сделал паузу, затем перешел к другим размышлениям, пропустив следующий стих, содержащий фразу «и восходит солнце».

Мэри быстро подняла глаза.

– Я хотела после этого встать и потребовать прекращения церемонии, – позже говорила она друзьям.

Отец Уалдман продолжал по-английски:

– Господи, мы умоляем простить раба Твоего, Эрнеста... За изгородью люди с магнитофонами слово за словом записывали службу, словно это было спортивное представление. Для души это оставляло впечатление странной театральной постановки. Для глаз все было выполнено с филигранным качеством.

Неожиданно раздался чей-то громкий возглас. Участвующие в траурной церемонии оставались без движения, лишь слегка повернули головы, чтобы посмотреть, что произошло. Прямо за отцом Уалдманом, между краем гроба и ближе к изгороди с собравшимися около нее корреспондентами и фотографами, лежал человек в белом. Из-под его облачения ногами вверх торчала пара новых коричневых туфель.

Собравшиеся люди ошеломленно застыли. Священник повторил свои слова и продолжил дальше. Похоронный распорядитель безмолвно обошел присутствующих на церемонии, поднял упавшего в обморок мальчика, прислуживавшего священнику. Он придерживал его, пока тот, приходя в себя, нетвердо стоял на ногах, продолжая конвульсивно всхлипывать, а потом тихо его увел.

– Как зовут этого, упавшего в обморок? – ясно донесся до собравшихся вокруг могилы людей шепот из-за изгороди.

Большой крест из белых цветов на краю могилы стоял вызывающе криво. Его задел упавший мальчик. Никто не поправил его до конца церемонии. Мне казалось, что Эрнест все это одобрил бы. Молитву Деве Марии и «Отче наш» прочитали три раза. Затем гроб закрыли

бронзовой крышкой, опустили в могилу и бросили сверху горсть земли, в которой ему теперь было суждено покоиться.

Для ныне здравствующих трудно осознать и прийти к мысли, что Эрнест будет смотреть на эту долину уже бесконечно.

«Я вознес свой взор к холмам», – говорил он. Рядом с могилой Эрнеста стоит простая табличка – там покоится прах баскского пастуха.



## Глава 1

Эрнест родился в Викторианскую эпоху Среднего Запада 90-х годов XIX века. Наши родители были необычной парой для того общества среднего класса. Но их предки были гораздо типичнее в соблюдении правил этикета в их беспрекословном следовании традициям той светской напыщенности, которая потом стала именоваться общественным мнением.

Дедушка Эрнест Миллер (Абба) Холл был добрым, обладавшим обширными знаниями английским джентльменом, который производил и продавал столовые приборы в компании «Рэндл и Холл» на Уэст-Лейк-стрит в Чикаго. Бабушка Каролина Хэнкок Холл была ярким маленьким огоньком с сильной волей и прекрасным артистическим талантом. Она спокойно справлялась со своим мужем и двумя детьми. И хотя они жили в Чикаго, она предпочитала отдыхать в Нантакете, куда вся семья отправлялась на лето.

Дедушка Энсон Тайлер Хемингуэй преуспевал в торговле недвижимостью, но зарабатыванию денег предпочитал проживание за городом. В возрасте десяти лет он прибыл в Чикаго из Коннектикута в крытом грузовом вагоне. Бабушка Аделаида Эдмундс Хемингуэй была яркой и волевой женщиной, управлявшей семьей из шести детей. Об отдыхе она только мечтала. Но летом семья совершала поездки на озеро Делаван в Висконсине, в Орегон и на Старвед-Рок в Западном Иллинойсе.

От этих людей по викторианским традициям произошли наши родители, Грэйс Эрнестин Холл и Кларенс Эдмундс Хемингуэй. Оба выросли в Чикаго. Грэйс провела юные годы в южной части города и затем в районе Оук-Парк, где, уже будучи взрослым, жил Кларенс. Но, как это было распространено среди среднего класса, они верили в то, что пробьются в высшие круги. Они гордились своей заинтересованностью в работе церковных миссий и в изящных искусствах. Они помогали всевозможным духовным движениям, начиная от учреждения групп по изучению природы – отец основал местный филиал общества «Агассис» – до протестантских миссионерских обществ, распространяющих слово Божие по всему миру.

Отец был старшим в своей семье. У него было три брата и две сестры. После занятий в колледже он изучал искусство фотографии и снимал пейзажи Оук-Парк. Он также играл в футбол. Но его истинной любовью была природа.

«Когда я был маленьким, в районе Лейк-стрит водилось много болотных уток», – рассказывал он нам.

На этих чередующихся полях сейчас построены дома, тянущиеся на много миль. Однажды летом отец провел три месяца с индейцами племени сиукс в Южной Дакоте, впитывая в себя знания о дикой природе и восторгаясь их образом жизни. Другим летом, будучи студентом в медицинском колледже, он работал поваром в правительственной геодезической партии в горах Грейт-Смоуки в Северной Калифорнии. Он любил жизнь за пределами дома, но медицина представляла для него всепоглощающий интерес.

Великой страстью нашей матери была музыка. Проявив ранние склонности к игре на фортепьяно, она продолжила свое обучение в юные годы, занимаясь пением, поскольку обладала великолепным контральто. К окончанию колледжа у нее была хорошая музыкальная подготовка. Ее независимость и энергия просто потрясали. На загородных прогулках, в сопровождении своего младшего брата Лестера, она каталась на велосипеде с большим колесом, а это было занятие не для трусливых. Она хотела продолжить совершенствовать свой голос в Европе, но бабушка Холл сочла ее устремление слишком смелым. Матери удалось посетить Англию и Францию. Но для серьезного изучения музыки она обосновалась в Верхнем Манхэттене. Там в течение года она усиленно работала под руководством мадам Капиани. Далее состоялся ее дебют при участии Антона Сейдла, дирижера филармонии Нью-Йорка. О ее выступлении с восторгом отзывались критики. Но затем она возвратилась в Оук-Парк, чтобы выйти

замуж за подающего надежды молодого врача, доктора Кларенса Хемингуэя. Они познакомились в колледже Оук-Парк, отец закончил его в 1889-м, а мать в 1890 году. После окончания учебы в колледже отец проходил практику в Эдинбургском университете. В письмах они с матерью обменивались впечатлениями о Европе, и их дружба расцветала. Семья Холл одобрила выбор дочери. У Хемингуэев тоже не было возражений. И когда молодая пара осенью 1896 года отпраздновала свадьбу, моя мать чувствовала, что принесла в жертву большую музыкальную карьеру. Эта горечь терзала ее большую часть жизни.

Отец получил долгожданное назначение медицинским миссионером, как его брат Уилл. На выбор ему были предложены Гуам и Гренландия. Однако у него были мысли остаться в Неваде, где он, по крайней мере, мог избежать городской жизни. Мать, как культурный арбитр, обошлась решительно с его страстью к путешествиям. Так что нашему отцу пришлось уговориться и открыть практику там, где он жил, в Оук-Парк. Он успешно работал медицинским экспертом на три страховые компании и фирму «Борден милк», а также возглавлял акушерское отделение в клинике Оук-Парк. За свою карьеру он принял более трех тысяч родов.

Наши родители начали семейную жизнь в доме на Норд-Оук-Парк-авеню, 439, прямо через улицу от того места, где еще жили бабушка и дедушка Хемингуэй. Оук-Парк никогда не входил в состав города Чикаго. А сейчас эту самую большую в мире деревню местные жители гордо именуют родоначальницей баров и церквей. Этот район двенадцать на двадцать четыре квартала на западной окраине города считался идеальным местом для заведения семьи.

Старшая сестра Марселлайн родилась в 1898 году. Когда 21 июля 1899 года родился Эрнест, она была уже окрепшим ребенком. По воспоминаниям нашей матери, он много плакал. Согласно семейным записям, первый год его вскармливали грудью, после первых десяти дней жизни он стал набирать вес и к трем месяцам уверенно достиг семнадцати фунтов. У него рано прорезались зубы, и он научился ходить, когда ему еще не исполнилось и года. Эрнесту доставляло огромное удовольствие во время большинства прогулок подолгу говорить на придуманном им самим малопонятном языке.

Пытаясь во всем догнать Марселлайн, Эрнест все схватывал на лету. Он использовал обычные детские слова и ошибки в речи, которые многократно повторялись ради забавы и только сбивали с толку. Но он был поразительно проницательным мальчиком.

«Марси была такой очаровательной, что Эрни должно было исполниться два года, прежде чем ему удалось привлечь к себе равную долю внимания», – вспоминала мать годы спустя. Лишь после он стал очень независимым ребенком.

Один из первых приемов привлечения внимания, усвоенных Эрнестом, было использование «грешных слов», как их называла мать. «Иди-ка помой свой рот с мылом» было типичной командой в семье Хемингуэй, и список слов, которые наши родители относили к непристойным, был достаточно длинным. Это наказание подчеркивало силу слов. Эрнест знал вкус мыла с раннего возраста. Это также было знакомо нашим сестрам, ну и мне, естественно. Дальнейшая репутация Эрнеста как реалиста была частично сформирована его виртуозным владением этими самыми словами. И однажды он написал статью для журнала «Эсквайр», под заголовком «В защиту грязных слов».

С самого начала в семье Хемингуэй было принято нанимать всевозможных нянь и помощниц. Кроме распевания колыбельных и кормления грудью, у нашей матери не было собственных домохозяйке талантов. Она терпеть не могла пеленок, плохие манеры, расстройства желудка, уборку и стряпню. Каждому ребенку должна была оказываться значительная постоянная помощь в обучении ходить, говорить и заботиться о самом себе. У матери был чудесный тембр голоса. Отец всегда признавал, что именно в ее голос он влюбился. С этим нельзя было не согласиться. Ее дарованное природой дыхание и способность управлять диафрагмой могли производить прекрасное вибрато, и она великолепно брала высокие ноты. Во второй

половине века лишь немногие женщины могли сравниться с ней в пении. Одной из учениц мадам Капиани была Галли-Курчи. Она отлично обучала своих протеже.

Отец безумно гордился появлением наследника. Он искусно прививал ему любовь к природе и охоте, рыбной ловле и своим любимым неконкурентным видам спорта. Эрнест сделал первые шаги в рыболовстве еще до того, как смог выговорить «лыба», частично из-за плохой дикции, о которой ему никогда не позволяли забывать. Во время прогулки, будь то на пляже, в поле или в саду, ему постоянно говорили названия различных предметов, которые он видел, трогал, пробовал на вкус или нюхал. У отца была способность объяснять даже самые простые вещи так, что они становились просто обворожительными.

У нас с Эрнестом разница в возрасте шестнадцать лет. Поэтому я не могу, как очевидец, рассказать о ранних событиях в его жизни. Для восполнения этого периода я полагался на воспоминания матери, отца, сестер и друзей семьи, которые были непосредственными участниками тех событий. Жаль, что я не появился на свет раньше.

Летом 1900 года наши родители посетили Уоллун-Лейк в Северном Мичигане, и чувство общей судьбы завладело ими. Они купили участок земли около двух акров в четырех милях от озера, которое теперь именуют Бэар-Лейк. Оно находилось в трехстах милях к северу от Чикаго и в девяти милях от Петоски. Здесь они построили коттедж. Все было как в романах сэра Вальтера Скотта, столь любимых матерью. Место окрестили «Уиндмер», и оно остается под таким названием по сей день.

Построенный из кедра за четыреста долларов коттедж имел размер двадцать на сорок футов и обогревался камином, спроектированным отцом. Позже были достроены крытая веранда и отдельная кухня. Прямо в кухне отец вырыл колодец, ставший неиссякаемым источником холодной родниковой воды. Потом он пристроил еще три комнаты сзади дома, среди больших хвойных деревьев.

Главной особенностью в Уиндмере был пляж. Чистый песок стал бы прекрасным местом для привала, даже не будь здесь ни одного дома. На любимой семейной фотографии изображены Эрнест в возрасте одного года и его сестра Марселлайн, плещущиеся на мелководье. У матери были отпечатаны почтовые открытки с этим сюжетом, которые она рассылала родственникам и друзьям.

Озеро Уоллун могло по-разному проявлять свое настроение. Мать это так растрогало, что она написала «Любимая Уоллуна», веселую песенку в ритме вальса, опубликованную чикагской «Е.А. Стедж компани» в 1901 году. Она любила, когда Эрнест и Марселлайн стояли рядом с ней и пели под ее аккомпанемент, стараясь изо всех сил.

«О любимый Уоллун, ты прекрасней всех озер», – повторялось снова и снова в трех куплетах.

Песенка так никогда и не стала хитом за пределами нашей семьи, но ее мелодия была притягательной.

Летом, когда Эрнесту исполнилось два года, он выходил на лодке вместе с отцом, когда тот отправлялся ловить на блесну или рыбачил в районе свай старого лесопильного завода. На следующий год у Эрнеста была своя самодельная удочка и плетеная корзина для форели, которую он вешал через плечо. Наши исполненные гордостью родители забили семейный альбом фотографиями Эрнеста со всеми его регалиями. Озеро изобиловало щуками, большеротыми окунями, лещами, и Эрнест тщательно запоминал название каждой пойманной рыбы.

– Папа, почитай мне!

– Хорошо, возьми книгу о птицах.

К трем годам Эрнеста часто успокаивали чтением книг. Наш отец покупал книги о природе с хорошими цветными иллюстрациями. По ним Эрнест изучил птиц Северной Америки. Мать не упускала случая подвергнуть его знания испытанию при любом посетителе.

– Скажи-ка, Эрни, а это кто? – обычно спрашивала она.

– *Icterus galbula*, – говорил он, – или *Cardinalis*.

Он выучил более двух с половиной сотен латинских названий. *Erithacus rubecula* и *Merula migratoria* были ему знакомы так же, как дрозд и иволга мальчикам на год старше. Мать, будучи строгим критиком, сияла от гордости. А Эрнест осознавал, что очень приятно кого-то превзойти.

В пять лет Эрнест пошел в школу. Мать решила, что он должен выполнять такую же классную работу, как и Марселлайн, которая была на год старше, как и большинство одноклассников. Это прищипорило его состязательный дух. Во время учебы в школе он пытался не только сравняться со старшими учениками, но и превзойти их. В колледже он получал только высшие оценки и крайне редко пропускал занятия.

Наша сестра Урсула родилась, когда Эрнесту было три года. Два года спустя появилась на свет Маделайн, которую называли просто Санни. С самого начала она была любимицей Эрнеста. Как только она достаточно подросла, Эрнест, подражая Тому Сойеру, позволил ей помочь ему чистить рыбу и сдирать шкуру с убитых на охоте зверей.

– Ты не должна бояться таскать змей и брать в руки лягушек, – говорил брат, когда она умоляла взять ее с собой на охоту. Он удостоил Санни чести, разрешив ей закапывать внутренности рыб в землю под яблони, посаженные отцом в саду. Совместно с Санни Эрнест придумал секретный язык. Марселлайн и Урсула издевались, называя его «свинской латынью», но они не могли разгадать его, равно как и другие. Только их клички были известны посторонним. Эрнест был Оинбоунз, а Санни Нанбоунз.

В те времена было много переселенцев. Дядя Джордж купил землю на берегу Пайн-Лейк в Айронтоне, что в десяти милях от Уиндмера. Если ехать по дороге, то расстояние получалось значительно больше, но сын Джорджа и две его дочери были частыми гостями. Наши бабушки и дедушки тоже редко оставляли нас без внимания. Однажды в отпуск приехал брат отца Уилл. Он был протестантским медицинским миссионером в китайской провинции Шенси. Эрнест пришел в восторг от его дочерей. Они были одеты в восточные одежды и могли говорить по-китайски. Он постоянно засыпал их вопросами, желая узнать как можно больше о жизни в другой стране.

И он хорошо все усваивал. Когда спустя сорок лет наша сестра Урсула навестила Эрнеста в Гаване, она неожиданно спросила его:

– Послушай, а ты помнишь «Джезус лавз ми»?

И Эрнест, в то время выглядевший бородатым патриархом, принялся бурно цитировать китайский вариант гимна, которому его научили кузины еще в школьные времена. Они с Урсулой пели вместе, пока слезы не покатались по их щекам. Стоицизм был еще одним качеством Эрнеста. Летние каникулы не всегда состояли из одной охоты и рыбалки. Как только ребенок достаточно подрос, чтобы держать в руках метлу или грабли, ему стали давать определенные поручения. Пляж следовало обрабатывать граблями каждое утро, а склон от коттеджа по направлению к пляжу был вторым объектом. Эрнесту давали ежедневные задания сделать «молочный рейс». Нужно было доставить бидоны с молоком с фермы Бэкона, находящейся в полумиле от дома, и вернуть пустую тару.

В одном из таких походов за молоком он едва не погиб. Темный овраг преграждал путь от Уиндмера до фермы Бэкона. Небольшой ручей, заросший травой, бежал по его дну. Склоны оврага были коричневого цвета от гниющих хвойных деревьев.

Однажды утром Эрнест отправился за молоком, неся в руке короткую палку. Достигнув оврага, он случайно споткнулся на рыхлой земле и полетел вниз, пытаясь защитить лицо вытя-

нутой вперед рукой с палкой. Он напоролся на конец палки горлом, вырвав части обеих миндалин. Из раны хлестала кровь, и он потерял ее довольно много, пока добрался до коттеджа. К счастью, отец оказался на месте и остановил кровотечение. Мать была в шоке, когда увидела истекающего кровью ребенка, бегущего к дому. Годы спустя, когда я был уже юношей и брал в руки палку или даже леденец с острыми краями, это мгновенно напоминало мне о том событии.

– Помни – Эрнест! – звучал чей-то голос.

Горло Эрнеста некоторое время после несчастного случая продолжало болеть. Отец посоветовал ему сосредоточиться на свисте, когда боль будет совсем невыносимой, и таким образом преодолевать ее. И с тех пор свист стал стоической реакцией Эрнеста на боль. Фотография раненого героя в итальянском госпитале во время Первой мировой войны показывает его насвистывающим сквозь стиснутые зубы.

Дедушка Холл умер летом, когда Эрнесту исполнилось пять. Он оставил матери достаточно денег для строительства дома, о котором она мечтала на протяжении многих лет. Она спроектировала все пятнадцать комнат, включая комнату для занятий музыкой размером тридцать на тридцать футов в два этажа и с балконом. Это было очень непрактично в отношении сохранения тепла, но замечательно для сольных выступлений и концертов. Позже здесь проводились выставки живописи.

Этот дом решил проблему стесненных жилищных условий. Двухэтажное отштукатуренное сооружение располагалось по адресу Норт-Кенилворт-авеню, 600 и хорошо вписывалось в окружение больших домов Оук-Парк.

Матери не терпелось переехать в новый дом до конца лета, и она более, чем обычно, была обеспокоена подготовкой детей к переселению. Но наш отец был человеком с безграничной выдержкой. Последние утренние сборы были завершены только после того, как он все осмотрел и забил гвоздями все ставни на окнах. Теперь коттедж был полностью защищен от зимних штормов.

Наконец со всеми делами было покончено. Отец повел нас пешком к доку в районе фермы Бэкона. Там нас должно было подобрать пассажирское судно «Гейни Гранда» до деревни Уоллун, чтобы дальше пересечь на поезд. Неожиданно отец вспомнил о больном вороне, которого Эрнест безуспешно пытался выходить. Эрнест настаивал взять его с собой, даже если он погибнет в дороге. Все видели, как Эрнест носил умирающую птицу, когда он бесцельно бродил среди утренней суматохи.

– Послушай, Эрни, что случилось с твоим вороном? – спросил отец.

– Все нормально, папа. Я положил его в мой ящик для одежды и укрыл его, так что ему будет тепло всю зиму.

Отец бегом вернулся в Уиндмер, нашел кипу вещей, открыл окно и выкинул мертвую птицу. Затем вновь заколотил ставни. Он примчался назад в док Бэкема как раз к отходу судна. Это было кстати. У матери не было никакого настроения откладывать встречу с новым домом.

Через неделю после приезда семья устроила небольшое торжество, разведя огонь в домашнем очаге. Марселлайн и Эрнест спели две песни. Принесли дрова, кто-то зажег спичку. Дом был благословлен для счастливой семейной жизни.

Новая комната для занятий музыкой была настоящей радостью для нашей талантливой матери. Скоро она пришла к выводу, что для семейных мюзиклов совершенно необходима виолончель. Она подчеркнула бы глубину звучания скрипки, фортепьяно, а особенно голосов матери и Марсел-лайн. Эрнест с легкостью воспринял эту идею. У него был музыкальный слух, и как раз нужен был третий музыкант. Так что Эрнест начал учиться играть на виолончели. Вначале он уделял этому занятию по полчаса в день, но скоро увеличил это время до часа. Эту систему мать применяла к каждому из нас до тех пор, пока не понимала, что ее усилия напрасны.

Годами Эрнест ежедневно посвящал один час игре на виолончели. На бесконечные вопросы о том, как он стал писателем, его самый откровенный ответ посторонние люди часто принимали за шутку.

– Отчасти я добился успеха благодаря часам уединения, проведенным в комнате для занятий музыкой, делая вид, что занимаюсь. Моя голова была занята другими мыслями, в то время когда я снова и снова повторял мелодию «Поп гоуз де Уизел», – обычно отвечал Эрнест.

Мать никогда не теряла надежду, что один из шести ее отпрысков станет выдающимся певцом.

– До двенадцати лет Эрнест был для меня сплошным разочарованием, – рассказывала мне мать.

В те дни она возглавляла детский хор в чикагской церкви третьей конгрегации. Матери были необходимы хорошие голоса, а Эрнест пел монотонно. У Марселлайн и Урсулы был прекрасный вокал, но Эрнест брал все ноты на один лад.

Она вспоминала:

– Однажды, когда ему было уже двенадцать, позвонил его учитель и сообщил удивительную новость о том, что он неожиданно запел как надо. Тем вечером я заставила его петь с нами в музыкальной комнате. И тут же он стал солистом моего хора, исполняя в тональности сопрано. – Рассказывая это, мать задумчиво улыбалась. – Слишком рано изменился его голос. Но пока он пел сопрано, он был замечателен.

В свои ранние годы Эрнест больше отдавал предпочтение охоте, нежели пению. Однажды осенью, когда ему еще не исполнилось двенадцати, дедушка Хемингуэй подарил ему на день рождения охотничье ружье 20-го калибра. Отец взял его с собой на ферму нашего дяди Фрэнка Хайнса, что недалеко от Карбондейла в штате Иллинойс. Это было замечательное место, и, хотя поездку туда планировали не один месяц, она изобиловала расстройствами, которые ни отец, ни сын не могли предвидеть.

Маленькое ружье Эрнеста стреляло на удивление кучно. Он мог поразить цель, когда его добыча быстро бежала по земле, или птицу в небе с расстояния более пятидесяти ярдов. Отец испытывал невероятную гордость, демонстрируя окружающим, как его сын стреляет по летающим вокруг амбара голубям. Им следовало отходить подальше, ведь это происходило в людном месте. Они вели стрельбу по трудным целям в пределах прямой видимости дома, где находились женщины и подростки.

Эрнест подбил более двадцати голубей, истратив всего одну коробку патронов. Тем вечером ему поручили отнести дюжину птиц для пирога на соседнюю ферму. По дороге Эрнест встретил нескольких деревенских мальчишек. Они спросили его о том, где он взял птиц, и он с гордостью ответил им:

– Я подстрелил их над амбаром Фрэнка Хайнса.

– О, ты дурачишь нас! И ты, чудной ребенок, смог сделать это?

– Конечно!

– Ты молокосос! Ты не мог этого сделать!

– Ты врешь!

– Разберись с ним, Рэд! Ну, давай же! Ты задашь ему! Самый маленький из мальчишек вышел вперед. Эрнест положил голубей на землю и, не успев снять свою куртку, почувствовал жгучий удар. Он собрался дать сдачи, но скоро распластался на земле под всеобщий хохот. Рэд вместе с другими мальчишками удрал, а Эрнест с птицами поплелся дальше. С этого момента он решил обучиться кулачному бою так же хорошо, как умел стрелять.

Эрнест скоро понял, что столь не любимая им комната для занятий музыкой может использоваться с большей пользой. У него были частые споры с одноклассниками.

– Приходи ко мне домой, и мы спокойно сможем это обсудить, – обычно говорил он.

Когда собиралась компания, требовалось всего несколько минут, чтобы узнать, где в данный момент находятся мать и сестры. Если помехи не было, участники пробирались в музыкальную комнату через боковую дверь из сада. Санни тайно приносила боксерские перчатки, ведро с водой и спортивную одежду. Все это было необходимо даже для одного раунда боя, но большинство претендентов проходило три, так что у каждого было достаточно времени показать, на что он способен. Светловолосая худенькая Санни выполняла роль арбитра и присматривала за обстановкой. Вероятно, ее женственность, сочетающаяся с мальчишескими ухватками, помогала не только проводить честные бои, но и вдохновляла каждого участника показать лучшее, на что он способен. Когда ковры скатывались, натертый воском пол из твердого дерева становился идеальным местом для сокрытия любого доказательства разбитого носа. В один из таких матчей Эрнесту повредили глаз шнурком от перчатки. Задолго до того, как заходящее солнце начинало светить в западные окна, в музыкальной комнате наводился порядок.

Соблюдалась величайшая осторожность для сохранения от наших родителей тайны проведения боев. Отца приводило в ужас физическое насилие. Когда он был еще мальчишкой, один хулиган настиг его на кухне и жестоко поколотил прямо на глазах его матери. Бабушка Хемингуэй не позволила ему дать сдачи, настолько строго придерживалась она библейского наставления о подставлении другой щеки. Во время учебы Эрнеста в колледже наш отец лишь однажды потерял лицо, уклонившись от достойного сопротивления обидчику. Это было описано в рассказе «Доктор и его жена».

Музыкальная комната стала для Эрнеста личным решением проблемы хулиганов и многочисленных оппонентов. Должно быть, у наших родителей было легкое подозрение насчет того, что происходит. Но они мудро закрывали на это глаза, зная, что их указы практически всегда нарушались.

Позже, когда Эрнест увидел объявление об уроках бокса в чикагской гимназии, он получил разрешение отца записаться на занятия. В первый же день Ионг А'Хирн разбил ему нос. Но это не лишило его уверенности в себе.

– Я знал, что он задаст мне жару. Я понял это по его взгляду, – спустя значительное время признался Эрнест своему другу.

– Ты испугался? – спросил друг.

– Конечно. Он мог ударить изо всех сил.

– Так почему ты пошел с ним драться?

– А вот драки я не боялся.

Новый дом находился в пяти приятных, скрытых тенью вязов кварталах от «Скоуилл институт», как называлась публичная библиотека Оук-Парк. Эрнест довольно поздно начал читать. Во время учебы он предпочитал сочинять свои собственные рассказы по картинкам в книгах. Но, однажды начав вникать в то, о чем было написано в книгах, он принялся наверстывать упущенное время. Журналы «Сент-Николас» и «Харперс» стали его любимыми с самого начала. В семье их обычно подшивали в тома и хранили в Уиндмере. В них Эрнест прочитал рассказы Ричарда Хардинга Дэвиса и Стивена Крэйна. Он особенно любил произведения Киплинга, Марка Твена и Стивенсона. Когда впервые была издана «Книга знаний», отец купил комплект для Эрнеста и Марселлайн. В этих голубого цвета томах не было полноцветных иллюстраций. Много потрясающих рисунков было выполнено в оранжевом и зеленом цветах. Но в книгах была масса информации на любые темы.

Посещения библиотеки были частыми и приносили пользу. Эрнест полюбил науку и приключенческую фантастику. Даже во время обучения в начальной школе «Оливер Уэндел Холмс», находящейся всего в квартале от дома, он читал постоянно, хотя зрение было неваж-

ным. Уже к десяти годам у него развилась сильная близорукость. Зрение нашей матери тоже оставляло желать лучшего. Она понимала, что комбинация наследственности и напряжения при непрерывном чтении была серьезной помехой в обучении. И к тому же он категорически отказывался носить очки. Мать часто заставляла его погруженным в чтение.

– Такой прекрасный день! Сходи поиграй в бейсбол с ребятами. Слышишь, как они играют у школы?

– О, мама, из меня никудышный игрок, – отвечал он и продолжал читать.

В школе Оук-Парк и колледже «Ривер форест тауншип» Эрнест учился, не используя очков, шурясь на удаленные объекты и яркий свет. После окончания он попытался записаться в американские экспедиционные силы, но получил отказ из-за испорченного зрения. Через несколько лет после войны, уже всерьез занявшись бумажной работой, он позволил себе пользоваться очками. Но даже тогда не надевал их вне работы. Он продолжал шуриться до 1930-х годов, когда окончательно понял, что нужно преодолеть природное самолюбие.

Мать брала Марселлайн и Эрнеста в поездки в Нантакет, когда они еще учились в начальной школе. Вначале взяли Марси, а на следующий год Эрнест составил матери компанию.

– Ух ты, какой прибой, какие волны! – Мать описывала его впечатления в первые дни купания.

Каждый день, проведенный здесь, означал отсрочку поездки всей семьи на Уоллун-Лейк, поэтому визиты в Нантакет были всегда короткими. Но первый вкус соленой воды возбудил в Эрнесте страсть к большой рыбалке на всю оставшуюся жизнь. Позже у него была возможность жить поближе к океану.

В письме из Нантакета от 13 сентября 1910 года Эрнест сообщил о своем путешествии за четырнадцать миль к Грэйт-Пойнт. Он хвастался, что чувствовал себя прекрасно в отсутствие комфорта, когда, выйдя в открытый океан, лодка прилично набрала воды. У старого морского волка по имени Джудас он приобрел нос огромной меч-рыбы, планируя подарить его возглавляемому отцом обществу «Агассис» по возвращении домой.

Мать взяла его на избирательное собрание женщин, но, по ее словам, он ухитрился проспать во время всего мероприятия. Он надеялся пойти с матерью в историческое общество посмотреть экспозицию о китобойном промысле, после того как окончит письмо домой.

Эрнест никогда не вступал в бойскауты. Когда он был подходящего возраста, это движение еще не было популярным, хотя книги о скаутах хорошо раскупались. Но он основательно сосредоточился на изучении тех вещей, знанием которых так гордились бойскауты. К восьми годам он знал названия всех птиц, деревьев, цветов, рыб и животных, распространенных на Среднем Западе, и много помимо этого. К началу занятий в колледже он уже был прекрасным пловцом. Он проводил часы в школьном бассейне, отрабатывая подводное плавание. Тренировка задержки дыхания сильно развила его грудную клетку.

Эрнест также постиг азы изготовления чучел от своего отца, учившего этому членов общества «Агассис». Эрнест тренировался до тех пор, пока движения его ножа не стали быстрыми и точными. Он многому научился, разделявая форель и другую рыбу. Эти тренировки сослужили ему хорошую службу. Он мог заточить нож до остроты скальпеля. Позже он научился крепить наживку для океанской рыбалки. Это было серьезным достижением. Многие ветераны походов на морских судах не могли освоить искусства закрепления наживки на марлина, чтобы она не спутывала леску.

В ранние годы воскресная стрельба по мишеням была кульминацией недели в Уиндмере. В те времена не было шанса попасть на церковную службу без транспорта. Если приезжал миссионер, совершалось богослужение с песнопением. Детям это очень нравилось. В противном случае воскресенье посвящалось отдыху и развлечениям.



После воскресного обеда каждый с нетерпением ждал, когда отец скажет заветную фразу.

– А как насчет стрельбы по мишеням? – наконец говорил он.

– Ура! – доносился восторженный всеобщий крик.

Стрельба означала переживания и запах сгоревшего пороха. Наш отец отменно стрелял по птицам. Он мог подбить на лету ласточку, хотя, как он показал нам, в них мяса не больше, чем на конце большого пальца, и нужно по крайней мере дюжину, чтобы приготовить пирог. Он никогда не позволял убивать ради спортивного интереса. Мясо всегда должно использоваться. Мы применяли обычные мишени для тира. Сначала вручную, а потом с помощью пружинного приспособления детям разрешили кидать тарелочки в направлении ближайшего холма, на почтительном расстоянии от дома. Наш отец очень гордился своим первым ружьем, винчестером 12-го калибра, стрелявшим очень кучно. Он купил его для геодезической поездки в Северную Калифорнию.

Каждому разрешалось пострелять. Все наши сестры познали приятную тяжесть ружья в руке и силу его отдачи до того, как стали достаточно взрослыми, чтобы самостоятельно обращаться с оружием. К десяти годам Эрнест хорошо стрелял по летающим целям. Каждый ребенок зарабатывал право поддержать отцовское ружье и выстрелить из него. Мы все разделили этот триумф до того, как стали взрослыми.

Первым ружьем Эрнеста была одностволка 20-го калибра, подаренная к его десятилетию дедушкой. Оно прекрасно подходило для стрельбы по птицам и зайцам. Этот подарок крепил любовь между дедушкой и Эрнестом, любившим слушать его рассказы о покорении Запада в крытой повозке, когда он сам был мальчишкой. Дедушка Хемингуэй захватывающе говорил о сражениях Гражданской войны. Он воевал добровольцем в иллинойском пехотном полку, многое понял, изучая военную тактику, и ощутил на себе тяготы войны. Любимый рассказ дедушки Хемингуэя был о том, как он «получил удар пушечного ядра в голову». Пройдя всю войну без единой царапины, однажды он был серьезно ранен. Острый сегмент пушечного снаряда выскользнул из рук, когда он доставал его с верхней полки. Тяжелый кусок металла оставил глубокую рану, и пришлось накладывать несколько швов.

У Эрнеста вторым из двух кумиров детства был дядя Тайли Хэнкок. Прекрасный стрелок, он занимался торговлей оружием на Среднем Западе, когда промысловая охота еще была разрешена. Он любил виски, рыбачил, когда позволяли условия, одалживал свои удочки Эрнесту и научил его технике ловли на муху, чего не знал даже наш отец. Но самым замечательным были его отвисшие, как у моржа, усы и то, что к семи годам он уже совершил три кругосветных путешествия. Его старшая сестра, Кэролайн Хэнкок Холл, оставалась на берегу во время этих поездок. Она умерла за год до того, как наши родители поженились. Остался только дядя Тайли с его живыми рассказами. Его отец, наш прадедушка Хэнкок (потомок Джона, короля Англии, как говорили, у которого подпись была крупнее, чем у кого бы то ни было), был владельцем барка «Элизабет», перевозившего пассажиров и грузы между Англией и Австралией. На борту «Элизабет» выходила первая в мире корабельная газета под названием «Тропикл таймс», ее печатали каждые несколько дней. Годы спустя дядя Тайли своими воспоминаниями разжег страсть путешествий в другом мальчишке, у которого личный опыт познания природы ограничивался водами озера Уоллун-Лейк.

В детстве Эрнест часто ночевал не в коттедже, а на открытом воздухе. Поскольку он был занят рутинной работой по дому в течение всего дня, ему разрешалось проводить ночи по своему усмотрению. Отец купил ферму Лонгфилд на другой стороне озера. Из отдаленного района он нанял энергичного фермера по имени Уоррен Самнер, жившего неподалеку и выполнявшего тяжелую работу, требующую наличия оборудования и мулов. Уоррен и Эрнест посадили аллеи калифорнийского и грецкого ореха, целые акры яблонь различных сортов и слив. Это не

только надо было возвращать и пересаживать, но и стричь, подрезать и удобрять. Отец считал Эрнеста слишком маленьким для такой работы.

Спокойным, безветренным днем раздавался сигнал горна, который был слышен отчетливо между фермой и Уиндмером. Расстояние было всего в одну с четвертью мили. Идти на веслах через озеро было приятным утренним упражнением. Но к концу тяжелого рабочего дня возвращение домой, особенно при ветре, не доставляло особого удовольствия. Эрнест любил тяжелую работу. Она давала ему возможность развить свои мускулы и соперничать с другими работниками. Но некоторые задания были до боли монотонными. В начале фермерской карьеры его несколько раз заставляли развалившимся в тени большого дерева, погруженным в чтение книги о далеких краях и больших приключениях. Как он вспоминал, все, что ему после этого разрешалось, это перевозить на другую сторону озера экземпляры отцовского журнала Американской медицинской ассоциации. Но он приобрел некоторые медицинские знания, развил свои мускулы, и у него было много времени для размышлений в эти долгие жаркие летние дни.

Еще одну разновидность чтения упустила семейная цензура. Обед Эрнеста всегда заворачивали в газету. Доставляя на лодке овощи другим летним работникам, он медленно читал и перечитывал рассказы о спорте, о жестокости людей.

В тот день, когда пришли инспектора по охоте, Эрнест работал на ферме Лонгфилд. Именно его увлечение изготовлением чучел привело к проблемам с законом. Это случилось через неделю после его шестнадцатилетия. Сообщение, которое мать написала отцу 30 июля 1915 года, излагало суть дела и ее предположения.

«Дорогой Кларенс.

Я пишу это особое послание для тебя сразу после того, как ушли инспектора по охоте. Поскольку Леон Рэнсом позвонил позже, чем это произошло, я отсылаю письмо с ним. Вот как все было. Двое странных мужчин вошли в дом и спросили у Санни, Дональда и Кэрл, дома ли доктор. Они сказали, что нет, он в Чикаго и приедет позже этим летом.

Я услышала разговор и вышла на крыльцо. Я поздоровалась, и они немедленно спросили меня, дома ли доктор. Я повторила то, что сказали дети, и спросила старшего из них его имя. Он сказал, что его имя Смит, и ухмыльнулся. Я спросила, хотели ли они видеть доктора по профессиональным вопросам, и они злобно ответили, что нет. Они пришли по делам. Тот, который был помоложе, повернулся спиной, а Смит сел на ступеньки и спросил меня, когда я ожидаю возвращения доктора и есть ли еще мужчины в семье. Здесь я подумала, что они грабители или что-то в этом духе. Они вели себя настолько отвратительно, говорили вкрадчиво и насмешливо и не рассказывали о цели своего прихода. Они задавали вопрос за вопросом.

– А как насчет того молодого человека, лет восемнадцати? Он здесь ночует? Где он сейчас?

Я сказала им, что он работает на ферме по другую сторону озера.

– Он придет на гребной шлюпке или на моторной лодке? Ходил он вверх по озеру между 20-м и 25-м числами этого месяца и буксировал тросом шлюпку под названием «Юз-а-ла» из Уалдмейера? (Их коверканье имен Урсулы и Уиндмера раздражало.)

– Да, он был там.

Теперь они сказали, что могут его опознать. У них есть два свидетеля, что он подстрелил крупную птицу и погрузил ее в лодку. Они сообщили, что у него было оружие, короткое ружье. И одет он был в красный свитер. Я сказала им, что, если они так много знают обо мне и моей семье, нет необходимости говорить со мной таким наглым тоном. Это заседание на одинокую женщину и ее маленьких детей без пояснения причины и своих полномочий, а также все эти наглые вопросы говорят о недостойном поведении, и им следует помнить об этом в следующий раз.

Один из них отступил назад и встал с глуповатым выражением.

– Мадам, это мне урок на будущее, – сказал он.

Да, я забыла сказать, это он первый попросил у меня лодку, чтобы добраться до Эрнеста. Но я ему отказала. Я не даю лодок незнакомцам. Как только они ушли, я сказала Рут и Марси, чтобы они немедленно сели в лодку, на всех парах мчались на ферму и предупредили Эрнеста. Он должен был пойти к Дилвортам и оставаться пока там. Они встретили его на моторной лодке, дали весельную шляпку, а сами вернулись на моторке. После ужина Рут прибралась, забрала молоко и заперла ферму. Я отправилась к Бэконам узнать, как обстоят дела. Они знали этих людей и направили их ко мне. Мистер Бэкон говорил с ними, и они сказали, зачем пришли, но были огорчены тем, что ему не исполнилось еще восемнадцати лет. Иначе ему грозило судебное разбирательство. Они сказали мистеру Бэкону, что на этот раз они закрывают на это глаза. Это единственный луч надежды.

Но после того, как они пришли сюда и состоялся разговор, который я цитирую с самого начала, они удалились сердитые, сказав, что займется этим делом с другой стороны. А сейчас расскажу о том, что произошло. Он подстрелил цаплю, когда Уэйберны переходили на озеро Минч. Он завернул ее и оставил в поставленной на якорь моторной лодке. Когда он вернулся к лодке после пикника, он обнаружил, что ее нет на месте, а один мальчик, представившись сыном инспектора по охоте, сказал, что пришел спросить его насчет птицы. Эрнест сказал, что его знакомый дал ему эту птицу, а он собирался забрать ее домой и сделать чучело.

Мальчик ответил, что он должен забрать эту птицу, поскольку для Эрнеста иметь ее противозаконно, а он всего лишь помогает своему отцу. Вот что из этого получилось. Я предчувствую худшее, поскольку Эрнест заявил, что не убивал эту птицу, но, по его словам, он испугался и сказал первое, что пришло в голову. Я не могу утверждать, что знаю все об этом, ведь если не знаешь, то лучше молчать. Мисс Хансен и мисс Уэйберн заявили мистеру Бэкону, что они ничего не знают об убийстве птицы. Так что ты понимаешь, как все запуталось. Я думаю, что лучше всего будет послать Марси завтра к Дилвортам. Она встретится с ним и поговорит с мистером Дилвортом обо всем этом. Я не знаю, стоит ли ему возвращаться в Уиндмер или нет. Мистер Бэкон говорит, что они инспектора по крупному зверю и рыбе округов Эммет и Шарлево. А в остальном у нас все хорошо.

С любовью Г.Х.»

Однако Эрнест отправился в Айронтон, где в летнее время проживал наш дядя Джордж. Он считал, что в другом округе будет в безопасности, находясь под юрисдикцией местных законов. Он рассказал дяде Джорджу обо всем этом. К его ужасу, дядя Джордж не выразил и капли сочувствия. Он посоветовал Эрнесту вернуться и уплатить штраф. Это было сделано, и весь инцидент был исчерпан. Но после этого зародились особые отношения между двумя семьями. И это помогло Эрнесту сформировать свой кодекс поведения. Нужно дорожить людьми, которые помогли вам в затруднительном положении. Все остальные бесполезны.

Хотя Эрнест усердно работал на летней ферме, он никогда не убегал из дому и не позволял своим домашним гадать о том, что с ним случилось. Такие инциденты впоследствии вольно излагались биографами и журналистами. Эрнест всегда посылал почтовые открытки, рассказывая об увиденных им птицах и зверях, даже о ночных походах вниз по реке Иллинойс до озера Цюрих в штате Висконсин.

Отец был самым серьезным покровителем Эрнеста всю свою жизнь. В детские годы Эрнест обучился всему, что умел отец, и глубоко любил его. Кроме того, что они проводили вместе все летние каникулы, они вместе ходили на охоту осенью, когда открывался охотничий сезон. У нашего отца была большая коллекция ружей. Он относился к ним с большим уваже-

нием, хотя однажды чуть не ослеп, когда ружье разорвалось рядом с его лицом во время работы в геодезической партии в Грейт-Смоукиз.

Познания Эрнеста в области оружия помогали ему во время учебы в колледже. Он испытывал истинное удовольствие, организовав юношеский ружейный клуб. Эта идея родилась в момент, когда Эрнест редактировал выпуск еженедельной газеты «Трэпез».

– Надо заполнить эту пустоту, – решил он.

И вскоре он придумал новое исключительное сообщество. Подобная организация для девушек реально существовала, и ей всегда отводилось много места на страницах газеты и уделялось много внимания.

Включив в списки себя и еще полдюжину друзей, Эрнест начал обдумывать те великие деяния, которые можно было бы совершить. Амбиции юношеского стрелкового клуба были столь высоки, что могли заставить побледнеть большинство стрелков-любителей. Члены клуба имели внутренний устав и поклялись сохранять тайну. Деятельность клуба никогда не интересовала посторонних. Не было проблем вплоть до конца года, когда членов правления попросили представить на рассмотрение фотографии для «Табулы», ежегодного школьного издания. По этому случаю Эрнест устроил свой финальный розыгрыш. Он собрал членов своего клуба для фотографирования и занял видную позицию с левого края. Каждый из выдающихся стрелков держал ружье. Этот факт проскользнул мимо редакторов и оказывающих финансовую поддержку учителей. Это остается по сей день подходящим финалом фрагмента легенды о Хемингуэе.

В колледже Эрнест написал сочинение на английском языке, где постарался рассказать как можно лучше о том, что стимулировало его в жизни. В начальные годы обучения он написал четыре пьесы, которые были рассмотрены преподавателями и сочтены подходящим материалом для «Табулы». Затем он работал корреспондентом в «Трэпез». В середине учебы его избрали одним из шести редакторов «Трэпез», среди которых была и Марселлайн.

Эрнест вел раздел юмора, составленный в духе статей Ринга Ларднера, признанного лучшим корреспондента чикагских газет. Приняв взгляды на жизнь и жаргон Ларднера, Эрнест сумел оживить изначально скучные материалы колонок. Прищуренный глаз Эрнеста подмечал потрясающие комедийные ситуации в жизни колледжа вплоть до высших его членов. Марселлайн казалась ему олицетворением ханжеской светской красавицы, и он особенно любил отпускать шпильки в ее адрес. Он придумал вечеринку под названием «против всех запретов» и однажды сообщил, что фамильное серебро, принадлежащее члену клуба «Трэп шутинг клуб», сменило владельца в результате какого-то пари. В типичной газетной колонке, озаглавленной «Ринг Ларднер-младший пишет о соревнованиях по плаванию, Оук-Парк состязается с прибрежным районом», Эрнест тонко насмехается над лицами, занимающими высокие посты в колледже.

«Дорогой Пэшли (это редактор еженедельного издания).

Ну, Пэш, раз ты куда-то удалился и оставил меня писать рассказ о соревнованиях по плаванию, что ж, я займусь этим, поскольку в противном случае ты уволишь меня из редакции. А затем мне, возможно, захотелось бы развеять ту чушь, которую высказали в адрес нового пилота самолета Перкинса. Я должен буду уйти и стать военным лектором или кем-то еще.

Понимаешь, Пэшли, каждый раз, когда я пишу что-нибудь для твоей газеты, много парней хотят разорвать меня в клочья, так что на этот раз я буду очень осторожен в выражениях. Я буду писать только о себе и тех ребятах, которых я вовсе не хочу зацепить.

В этих состязаниях команда «Эванстон» не представляла для нас никакого интереса. Если бы мы набрали на двадцать очков больше, мы победили бы их. А если я проплыл бы

на пятнадцать футов дальше, я был бы недостижим в подводном плавании, ну и если б Хьюис привлек на свою сторону еще четыре штата, это обеспечило бы ему победу на выборах.

Но, как говорится в Библии, нечего рыдать над разорванной рубахой, или что-то в этом духе, я не помню, что именно. В команде «Эванстон» был подводный ныряльщик по имени Коулер. Ведь эта птичка шлепнулась в воду и всплыла на другом конце бассейна в лучезарном сиянии славы. Но этому парню больше не одолеть нас, потому что мы с Джеком Пентекостом разработали гениальный план.

На дне бассейна, от одного конца до другого, нарисована черная полоса. Мы проложим приводимый в движение ремень вдоль этой линии, затем мы с Крафтом ныряем и хватаем его руками, а он тащит нас до конца бассейна. Это великолепная схема, Пэш, так что держи ее в тайне, чтобы никто об этом не пронюхал.

Но есть еще один вариант, и мы можем победить в соревнованиях по плаванию без участия Гэйл в нашей команде. Мы организуем особые этапы в соревнованиях. Они будут называться так:

1. Мелем чушь (вольный стиль).
2. Мелем чушь (на время).
3. Разделяем неопределенное.
4. Катаем шарики (на время).
5. Кидаемся пеной (гандикап).

На первый этап мы можем поставить Гарри Макнамару, тебя и меня. Во втором, без всякого сомнения, будет первым Лерой Хаксхэм. В третьем я готов поставить последний цент, что победит Микки Кэнни, а в последних двух всем даст фору Кокси Мур.

Эти дополнительные этапы принесут нам кучу дополнительных очков, так что мы выиграем соревнование без проблем! На этом, Пэш, кажется, пора закругляться. Иначе, если я открою что-нибудь еще из наших планов, ты, возможно, запустишь эту информацию в другие колледжи. Кроме того, на завтра я должен изучить производство дамских шляп, потому что мы должны спасти наш округ любой ценой.

С уважением

*Эрнест Хемингуэй.*

P.S. Пожалуйста, пусть печатник изготовит дополнительно несколько копий газеты. Мне хотелось бы отослать их своим друзьям в старом городе.

Ваш Э.Х.

P.P.S. На соревнованиях я взял интервью у многих известных людей, и вот что они сказали.

Тренер Рейнольдс: \_\_\_\_\_!!

Капитан Уайт: \_\_\_\_\_!!!!

Стью Стэндиш: \_\_\_\_\_!!!!!!

Гарри Макнамара: Я проиграл выборы!

Де Вев Джордж: Славьтесь, братья, славьтесь!

Марселлайн Хемингуэй: Да, он какой-то очень дальний мой родственник!

Капитан Стивенс: Это мужская игра!

Э.Х.»

За тот последний год обучения в колледже Эрнест написал много литературных материалов, которые были оценены руководителями факультета как подходящие для издания в «Табуле». В одном из этих очерков Бог был представлен «с большой ниспадающей бородой и

очень напоминал графа Толстого». Эрнест написал два рассказа об индейцах, основанных на его знаниях о племени оджибуэев в штате Мичиган. Это также было опубликовано в «Табуле».

Он переработал несколько ранних своих сочинений, не имевших ничего общего с заданиями в колледже. Когда я разбирал семейный архив после смерти матери, в мои руки попал блокнот с его серьезными ранними фантазиями. Я передал его нашей сестре Санни. В то время Эрнест назначил ее официальным представителем семьи.

Хотя во время учебы Эрнеста в колледже состояние финансов семьи Хемингуэй было вполне приличным, отсутствие у него свободных карманных денег было социальной проблемой. Нашего отца с детства приучили к бережливости. Он верил в то, что дорога в ад устлана легкими деньгами. Так что он давал деньги в руки своих отпрысков только при выполнении ими определенных заданий по низким, изначально установленным расценкам. Никогда доход Эрнеста от семейной работы во время учебы в колледже не превышал двадцати пяти центов в неделю, а эта сумма даже в те дни была скудной. Требовалось особое проворство, чтобы позволить себе редкие свидания с девушками, такими, как красотка Кэролайн Бэйли и Люсил Дик.

Но Эрнест испытывал муки и от другой проблемы, которая была для него похуже отсутствия денег. Это не понравилось бы даже деревенскому мужлану, а тем более блестящему молодому репортеру и атлету. В те времена наши родители в духе строгой викторианской морали заставляли Эрнеста сопровождать Марселлайн на светские сборища. Это было неприемлемо для каждого из них, как посягательство на право свободы выбора.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.